

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ В РАБОТАХ Ж. ДЕЛЕЗА

Розглянуто ставлення Дельоза до влади. Для характеристики поглядів французького філософа залучаються також роботи його однодумців та джерела, на які він посилається.

Ключові слова: Ж. Дельоз, влада, людина, держава, маса, Едіп, фашизм.

Рассмотрено отношение Ж. Делеза к власти. Для характеристики взглядов французского философа привлекаются также работы его единомышленников и источники, на которые он ссылается.

Ключевые слова: Ж. Делез, власть, человек, государство, масса, Эдип, фашизм.

In the article talked about attitude of J. Deleuz toward power. For description of looks of the French philosopher works of his like-minded persons, and also sources which he refers to, are attracted.

Keywords: J. Deleuze, authority, the person, the state, weight, Edip, fascism.

Работы Ж. Делеза занимают особое место среди произведений представителей постмодернизма. Он принадлежит к тем мыслителям, концепции которых лишь условно можно «втиснуть» в рамки той или иной школы, того или иного направления. Его, как представляется (с определенными, разумеется, оговорками), можно причислить к представителям постмодернизма, постструктурализма, сразу нескольких школ современного психоанализа.

Но, казалось бы, если пользоваться характеристиками, имеющими максимально широкое применение в философии, то данного французского мыслителя можно было бы зачислить в определенный разряд представителей философии.

Он – иррационалист? Наверное, большинство согласилось бы с подобной характеристикой Делеза. Ведь сам он, казалось бы, достаточно недвусмысленно высказывался по этому поводу.

Уже для Ф. Ницше было характерно резко отрицательное отношение к Сократу, сопровождавшееся повышенным вниманием к досократикам, один из которых – Гераклит, как хорошо известно, пользовался особой благосклонностью немецкого мыслителя.

Для Делеза же именно с Сократа начинается «вырождение» философии. До появления этой фигуры, полагает французский философ, в греческой философии господствовало такое невиданное позже единство мысли и жизни, которое современная европейская философская мысль не в состоянии даже представить себе. Заметим кстати, что собственно античное представление об истории философского знания несколько напоминает этот взгляд Делеза: наши предшественники «владели», «обладали» мудростью, мы же лишь «любим мудрость» и поэтому можем назвать себя не «мудрецами», а всего лишь «философами». С высоты мудрости мы, таким образом, спустились на более низкий уровень [7, с. 66].

Но если Делез сам объявляет себя противником рационализма, то какие обвинения он может предъявить представителям данного направления, именно современным мыслителям-рационалистам, а не тем, которых отделяет от нас уже двадцать пять веков?

Современная философия, полагает Делез, под предлогом требований разума, занята защитой сил «не слишком разумных»: государства, религии, расхожих ценностей [3, с. 103].

Критикуя эти «не слишком разумные силы», французский мыслитель не может не испытывать определенных затруднений. Действительно, если уж разум взялся защищать то, что уж во всяком случае не может быть отнесено к собственно разумным объектам, то где найти плацдарм для критики данных объектов?

Французский мыслитель рассматривает соотношение таких понятий как «лицо» и «тело».

Тело без органов, говорит Делез, – это желание, желание денег, армии, полиции и государства, наконец, фашистское желание [4, с. 274].

Лицо – это политика. Вот почему, полагает Делез, мы все время вынуждены рассматривать проблему отношения лица к сборкам власти, нуждающимся в таком общественном производстве [4, с. 300].

Эта политика различается в древних и современных обществах. Так, в первобытных обществах бинарные оппозиции были весьма сильны, но они обуславливались при этом такими машинами и сборками, которые сами по себе бинарными не были. Напротив, полагает Делез, особенностью современного общества (даже, скорее, современного государства) является именно наличие подобных бинарных машин, обусловленных к тому же наличием бинарных выборов. Наличие же тройственности в организации властных систем (три ветви власти и т. п.) вытекает из смещения бинарности [4, с. 344].

В отношении к власти позиция Делеза расходится с позициями представителей психоаналитических школ. В отличие от психоаналитической интерпретации бессознательного, Делез подвергает критике символ Отца в его традиционном понимании и видит свою задачу в разрушении Эдипова комплекса, всегда считавшегося символом классического психоанализа. Эдип для Делеза (как, впрочем, до него, для Лакана) – результат негативного влияния отца-параноика и семьи в целом, рассматриваемой Делезом как «псевдоструктура». Негативный момент классического психоанализа французский мыслитель усматривает в его молярной, связанной, параноальной форме, тогда как современность требует его трактовки как молекулярного, шизоидного. Анти-Эдип, давший название первому тому совместной работы Делеза и Гваттари – парадигмальная фигура психоанализа в той же степени, в какой Эдип считался парадигмальной фигурой психоанализа. Анти-Эдип – не подобно последнему, он – сирота, анархист и атеист [2, с. 39–40].

XIX в., считает Делез, порождает две формы интернационалистического мессианизма. Один мессианизм – американский. Он носит характер прагматизма и обращен к иммигрантам всех стран. Другой мессианизм, в конце концов обретший почву в России – это социализм [5, с. 119]. Для Делеза, с его отрицанием бинарных оппозиций, эти два вида мессианизма, по сути, представляют собой одно (как и те формы власти, которые они порождают).

Для него, как уже отмечалось, желание – сирота. Но у желания, полагает он, есть все же «приемный родитель». Это – фашизм. Однако французский мыслитель обозначает данным термином не фашизм Гитлера и Муссолини, ушедший в прошлое, а тот, который, как полагает Делез, сидит едва ли не в каждом, «заставляя человека любить власть, желать, чтобы власть была сильной» [5, с. 226].

Это – сродни той характеристике, которую дает фашизму У. Эко, которого можно рассматривать, в какой-то степени, как единомышленника Делеза. Эко приводит целый список технических характеристик Вечного Фашизма (ур-фашизма).

Первой характеристикой является культ традиции. Традиционализм старше фашизма. Он выступает доминантой контрреволюционной католической мысли после Французской революции, но зародился он в поздний эллинистический период как реакция на рационализм классической Греции. В этот период складывается культура, которая может быть названа синкретичной. Синкретизм, полагает Эко, это не просто сочетание разноформных верований и практик. Основа синкретической сочетаемости – это, прежде всего, пренебрежение к противоречиям. Исходя из присущей для него логики, все первородные откровения должны содержать в себе зародыши истины. Даже если они разноречивы или вообще несовместимы, это не имеет значения, потому как аллегорически все равно они восходят к некоей исконной истине. Отсюда вытекает, что нет места развитию знания. Ведь истина провозглашена раз и навсегда; остается только истолковать ее темные слова. Достаточно проверить «обойму» любой фашист-

ской идеологии: в ней окажутся исключительно идеологи-традиционалисты. Фашистские «знания» (если вообще к ним возможно применить это слово) проистекают исключительно из традиционалистских, синкретистских, оккультных источников. Традиционализм с неизбежностью ведет к неприятию модернизма. Как итальянские, так и немецкие фашисты вроде бы обожали технику, в то время как идеологи традиционализма всячески ее клеймили (в ней усматривали отрицание традиционных ценностей). Однако, по сути, фашизм наслаждался лишь внешним аспектом своей индустриализации. В глубинах же его господствовала концепция «Крови и почвы». Под лозунгом отрицания капитализма происходило отрицание фашистами всего современного мира, духа американской и французской революций, духа Просвещения и духа рационализма. Иррационализм фашизма оказывается накрепко связанным с присущим ему культом действия ради действия. Думание рассматривается как «не мужественное» дело. Ненависть фашизма ко всему, что он не может назвать своим, проявляется во враждебности к интеллектуалам, но также и в расизме и национализме. Ведь человек, внешне непохожий, тем самым уже проявляет себя как чужой. Для фашизма нет борьбы за жизнь, а есть жизнь ради борьбы. Отсюда – культ героизма, который для фашизма непосредственно связан с культом смерти (героическое нетерпение умереть). Отсюда и перманентная война, которую также культивирует фашизм. Фашизм не имеет ничего общего с демократией. Но для него характерен популизм. Народ в фашистской идеологии и практике бытует как феномен исключительно театральный [11, с. 66–77].

На Западе еще с момента своего появления фашизм рассматривался как своего рода «Восстание масс». Отношения массы с властью рассматриваются на уровне биологическом, а не социальном, на уровне инстинкта. Э. Канетти, на работу которого «Масса и власть» ссылаются авторы «Тысячи плато», пишет в цитируемой работе буквально следующее: «Мышь, схваченная однажды, подверглась со стороны кошки насилию. Та поймала ее, держит и собирается умертвить. Но как только она начинает с нею играть, возникает нечто новое. Она отпускает ее, позволяя чуть-чуть отбежать. Стоит же мыши повернуться к кошке хвостом и побежать, как она уже оказывается вне сферы ее насилия. Но во власти кошки настичь мышшь. Если она позволит ей убежать совсем, та покинет и сферу ее власти. Однако, покуда кошка наверняка может достать мышшь, та остается в ее власти. Пространство, которым распоряжается кошка, мгновения надежды, которые она дает мышши, но под строжайшим контролем, не теряя интерес к ней и к ее умерщвлению, все это вместе: пространство, надежда, надзор и заинтересованность в умерщвлении – можно назвать сущностью власти или просто самой властью. Таким образом, власти – в противоположность насилию – присуща несколько большая широта, у нее больше и пространства, и времени. Можно сказать, что тюрьма похожа на пасть: отношение между ними – это отношение между властью и насилием. В пасти уже не остается подлинной надежды, для жертвы здесь нет уже ни времени, ни пространства. И в том, и в другом отношении тюрьма – как бы расширенная пасть. Можно сделать несколько шагов туда-сюда, как мышшь под надзором кота, то и дело чувствуя на спине взгляд надзирателя. Есть еще время и есть надежда за это время бежать или получить свободу, при этом всегда чувствуешь заинтересованность тех, в чьей власти ты находишься, в твоей гибели, даже если эта гибель на время отсрочена» [9, с. 426–427].

Роль тюрьмы для человека может выполнять постоянное ожидание приказа. Подобное ожидание решающим образом влияет на людей, раз и навсегда вручивших себя повелителю, и определяет их отношение с другими. Оно создает тип верующего-солдата, для которого наиболее точным выражением жизни является битва, который не страшится ее, потому что все время чувствует себя ее участником [9, с. 427].

Выше «верующего-солдата» стоит человек, имеющий право убивать и постоянно реализующий это право. Полководец не случайно носит свое гордое имя. Он повелевает, он посылает своих людей против врага на смерть. Если он побеждает, ему принадлежит все поле битвы, усеянное мертвецами. Одни пали

за него, другие против него. От победы к победе он переживает их всех. Триумфы, которые он празднует, наиболее полно соответствуют его стремлениям. Их значение измеряется числом мертвых [9, с. 422].

Деспотизм фашистского правителя проявляется не только тогда, когда речь идет непосредственно о жизни и смерти. Он выше критики и поэтому имеет право на ошибку. Для полководца это – проигранная битва или даже проигранная война. В иных случаях это может быть произвольное (поскольку оно никем не контролируется) решение. А. Шпеер, мемуары которого использует для характеристики фашизма Канетти, так объясняет решение Гитлера назначить его, случайного человека, министром вооружения: «Спонтанное решение Гитлера вновь назначить одного человека сразу на несколько министерских постов, от которых зависело существование государства, было, в сущности, крайне легкомысленным и могло повлечь за собой тяжкие последствия... Бесспорно, Гитлер предпочитал назначать на руководящие посты дилетантов, а к профессионалам типа Шахта он всю жизнь относился с большим подозрением» [11, с. 269–270].

Масса, создавая своими действиями таких вождей, способных принимать такие решения, требует особого к себе отношения. Приемы обращения фашистских вождей с массой описываются Канетти опять-таки как воздействующие на инстинкты, но не инстинкты отдельного человека, а инстинкты массы, толпы.

Гитлеровские строения предназначены для того, чтобы собирать и удерживать вместе огромные массы людей. Он пришел к власти благодаря созданию таких масс, но он знает, насколько большие людские массы склонны к распаду. Чтобы противодействовать распаду массы, существуют, не считая войны, только два средства. Первое – это ее рост, второе – регулярное возобновление. Эмпирический знаток массы, каких найдется немного, он знает соответствующие ей формы и средства. На гигантских площадях, столь огромных, что их трудно заполнить, массе дана возможность расти, она остается незамкнутой. Ее пыл – а он особенно заботит Гитлера – с ее ростом усиливается. Ему и его помощникам хорошо известно все, что обычно способствует образованию таких масс, – флаги, музыка, марширующие отряды, которые действуют как кристаллы массы, но особенно – долгое ожидание перед появлением главного действующего лица. Здесь незачем описывать все это в подробностях. Имея в виду характер строительных планов Гитлера, можно указать на понимание им незамкнутости массы, возможности ее роста. Для регулярного возобновления сборищ служат здания культового характера. Прообразом для них являются соборы. В конечном счете, такие здания служат для замкнутых масс. Сколь бы огромными ни были они задуманы, стоит им заполниться, и масса перестанет расти, она натолкнется на границы. Следовательно, вместо дальнейшего роста массы здесь важно, чтобы поводы для сборищ стали регулярными. Масса, которая расходится, покидая такое помещение, должна доверчиво ждать ближайшего повода, чтобы собраться снова. Во время спортивных мероприятий масса собирается в замкнутый (или полужамкнутый) круг; бесчисленное количество людей сидит друг против друга, масса видит себя, следя за событиями, которые разыгрываются на середине. Все меняется, как только образуются двухмассовая система, порожденная борьбой на арене. Прообразы этой формы восходят к Древнему Риму [9, с. 68].

Здесь Канетти затрагивает момент, крайне важный также и для Делеза. Он говорит о человеческом факторе в связи с тем, что таковым не является. У Канетти человек, масса – и архитектура, призванная формировать эту массу; у Делеза – человек, мозг человека – и современные технологии обработки мозга и человека. Французский мыслитель пишет: «То, что вдохновляет нас сегодня – это не компьютеры, это микробиология мозга: он представляется ризомой, скорее травой, чем деревом... с невероятными, наполовину случайными квантовыми механизмами. Дело не в том, что мы мыслим, исходя из знания о том, что любая новая мысль оставляет в мозгу след из неизвестных борозд, она его скручивает, морщит или рассекает» [6, с. 149].

Но цитируемый отрывок говорит и о различии двух авторов в подходе к рассматриваемой проблеме: у Канетти – масса, у Делеза – человек массы. Этот

человек имеет имя – Эдип. А это уже (не только это) связывает концепцию власти Делеза с концепциями представителей психоанализа – французского, прежде всего. Для последних немаловажен конфликт Эдипа и Отца. Крупнейший из них – Лакан – утверждает, «то ли в шутку, то ли всерьез», что подлинными именами этого Отца являются Символическое, Воображаемое и Реальное [8, с. 8].

Отношение к Лакану у Делеза неоднозначно. С одной стороны, Делез признает его концептуальное влияние, но с другой – видит в нем создателя прототипа новых форм власти. Последнее проявляется, прежде всего, в том, что именно «французский Фрейд» (т.е. Лакан) привнес в психоанализ «больше деспотизма, чем было у самого Фрейда» [1, с. 285].

Для Лакана характерно, скорее, положительное отношение к Эдипу. Делез рассматривает образ Эдипа в развитии, делая акцент на том, что в дальнейшем Эдип сам начинает олицетворять собой отца-деспота. В роли Эдипа, по его мнению, могут выступать Бог, государство, культура, традиции, идеология, мораль, сознание, язык [10, с. 9].

Итак, хотя далеко не всякая власть может олицетворять фашизм, элементы фашизма (о которых говорилось здесь) можно отметить, как полагает Делез, в любой власти. По крайней мере, в любой из ныне существующих властей.

Библиографические ссылки

1. Автономова Н. Власть в психоанализе и психоанализ власти / Н. Автономова // Власть. – М. : Наука, 1989. – С. 256–294.
2. Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Под ред. А. А. Грицанова. – М. : АСТ, Мн. : Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
3. Грицанов А. А. Жиль Делез / А. А. Грицанов. – Мн. : Книжный Дом, 2007. – 319 с.
4. Делез Ж. Критика и клиника / Ж. Делез. – СПб. : Машина, 2002. – 240 с.
5. Делез Ж. Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
6. Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез. – СПб. : Наука, 2004. – 234 с.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М. : Мысль, 1979. – 620 с.
8. Лакан Ж. Имена-Отца / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, Логос, 2006. – 160 с.
9. Канетти Э. Человек нашего столетия / Э. Канетти. – М. : Прогресс, 1990. – 474 с.
10. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Под ред. А. А. Грицанова. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
11. Шпеер А. Воспоминания / А. Шпеер. – Смоленск : Русич, 1998. – 720 с.
12. Эко У. Пять эссе на темы этики / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 159 с.

Надійшла до редколегії 19.01.11

УДК 1(091)

А. В. Мищенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Проаналізовано джерела екзегетичного методу Філона Александрійського, які зумовлюють особливості його інтерпретаційної діяльності.

Ключові слова: Філон Александрійський, екзегетика, метафора, алегорія.

© Мищенко А. В., 2011